многосложный сочлен опять-таки мужской рифмы — связывает икт с односложным словом единственный раз на протяжении последних четырех стихов, а *я*, отягчающее предыдущий слог, является во всем семистишии единственным словом, акцентирующим слабую долю и притом лишенным непосредственной синтаксической связи со смежными словами. Подлежащее *я*, далеко отодвинутое от сказуемого *еду*, раздваивает сочетание управляющего обстоятельства *в страх* и управляемого дополнения *истине*, обособленных к тому же инверсией, и в силу всех этих перестановок приобретает особое фразовое ударение.

Ритмический строй внятно дифференцирует все четыре композиционных раздела. Первые две строки и последняя противопоставлены обоим внутренним разделам личными глагольными конструкциями и неотступной ударностью всех своих иктов с тою лишь разницей, что начальное сочетание женского с мужским стихом полно сложных сказуемых, чуждых всем дальнейшим строкам, и отличается от них преобладанием односложных слов как в сильных, так и в слабых долях, между тем как в заключительной строке все икты, напротив, связаны с ударениями многосложных слов. В обоих внутренних разделах, втором и третьем, все полустишия содержат только по два ударных икта, но в сочетании мужского с женским стихом, т. е. во втором, «противительном» разделе (строки 3 и 4) оба крайних полустишия кладут ударение на пограничный и смежный с ним икт, тогда как третий раздел, сочетающий два мужских стиха (5 и 6), характерных периферийными падежами и приименными дополнениями, снабжает словесным ударением оба нечетных икта каждого полустишия. Обязательное присутствие таких ударений, а также наличие прилагательных и предлогов отмежевывает третий раздел от предыдущего и сближает его с последующим, а придаточное предложение в конце второго и первого разделов придает им обоим общую синтаксическую особенность. Отличительной морфологической чертой обоих придаточных предложений служат бытийные глаголы в прошедшем времени, тогда как все сказуемые независимых предложений принадлежат настоящему времени: за вопросами любопытствующего следует ответ автора, следующего в дальний острог. Ничего былого стихи не поминают; в прошлом они отмечают или тождество с настоящим ([2] *тот же, что и был*), или же небытие ([4] *где не бывало следу*).

В то время как границы всех четырех внутренне организованных разделов неизменно проходят вслед за четным стихом (1—2, 3—4, 5—6, 7), напротив, основные синтаксические паузы последовательно предшествуют четным стихам (1, 2—3, 4—5, 6—7). Таким образом, обе группировки стихов связаны друг с другом зеркальной симметрией в размежевании женских строк и мужских: *жм, мж, мм, ж — ж, мм, жм, мж*. Классическая монолитность сжатого семистишия совмещается с изумительной много-